

Глава 4

Особенности занятости представителей российских среднедоходных слоев

В данной главе мы рассмотрим положение представителей среднедоходных слоев в системе отношений занятости и производственных отношений. Если удастся доказать, что выделяемые нами среднедоходные слои занимают особое место на рынке труда, имея более стабильную занятость, большую силу в переговорных отношениях с работодателями или меньшие риски безработицы, а также если они представлены группой профессий квалифицированного труда и способны найти более интересную и перспективную работу, на которой востребован их человеческий капитал, то, в соответствии со сложившимися в литературе традициями⁸³, мы будем вправе говорить о наличии классовых признаков у среднедоходных слоев России.

Начнем с **соотношения занятости и незанятости** в этих слоях. Прежде всего стоит отметить, что доходы подавляющего большинства представителей среднедоходных слоев имеют трудовую природу, то есть обусловлены заня-

---

⁸³ В западной литературе все эти показатели являются типичными признаками среднего класса. Так, Дж. Голдторп указывает на то, что индикатором принадлежности к позициям среднего класса являются отношения занятости, характеризующиеся наличием письменно оформленного трудового контракта, высокой автономией на рабочем месте и сопутствующими дополнительными социальными благами (*Goldthorpe J. H. Rent, Class Conflict, and Class Structure: A Commentary on Sorensen // The American Journal of Sociology. 2000. Vol. 105. No. 6. P. 1572–1582*). Э. Райт отмечает, что позиции среднего класса носят противоречивый характер, поскольку их занимают работники с высокой квалификацией, требуемой для выполнения сложной разнообразной работы, что даже при сохранении эксплуатации по отношению к этой группе работников говорит об их влиянии в организации (см. подробнее: *Wright E. O. Classes. – Verso Books, 1997*).

тостью по найму. Это объясняется слабой диверсификацией источников доходов у российского населения, причем это касается даже высокодоходных слоев. Для подавляющего большинства россиян основным источником доходов традиционно выступает зарплата по основному месту работы. Дополнительные источники доходов в виде рентных платежей от собственности, сдаваемой в аренду недвижимости и процентов по вкладам имели в октябре 2015 г. не более 3% россиян.

Итак, труд по найму является неотъемлемой чертой жизни среднедоходных слоев, в особенности их верхней подгруппы, доходы которой составляют от 1,25 общероссийской медианы и выше (табл. 4.1). Так, доля россиян, у которых имеется работа, составляет 79% среди верхней и 62% среди нижней подгрупп среднедоходных слоев.

При этом менее половины нижней подгруппы среднедоходных слоев работают на постоянной основе, то есть оформлены в штат по приказу или на основе бессрочного контракта. Среди верхней подгруппы среднедоходных слоев доля таких россиян значительно выше и составляет 62% (что более характерно для высокодоходных слоев, среди которых доля работающих на постоянной основе доходит до максимальных для России значений в 70%). Как видно из данных таблицы 4.1, оформление в штат по приказу или работа на основе бессрочного контракта является существенным признаком, различающим нижнюю и верхнюю подгруппы среднедоходных слоев. Другими словами, формальная занятость на постоянной основе связана с более привилегированным положением россиян в производственной сфере, гарантируя при прочих равных более высокие доходы и, как следствие, большую вероятность попадания в «экономический» средний класс.

Другие формы отношений занятости таким свойством не обладают. Это касается как формальной занятости на временной основе, так и неформальной занятости, которая у среднедоходных слоев статистически ниже, чем в низкодоходных слоях. Несмотря на то что неформальная занятость может быть связана с дополнительными премиями на рын-

ке труда (например, для некоторых категорий самозанятых россиян)⁸⁴, в среднем работа на основании устной договоренности является следствием дискриминации и эксплуатации, что проявляется особенно ярко в условиях экономических кризисов. Как следствие, неформальная занятость часто оказывается вынужденной и низкооплачиваемой.

Таблица 4.1
Основное занятие и характер занятости
в различных доходных группах и слоях,
ИС РАН, 2015 гг., %⁸⁵

Основное занятие	Низко- доходные слои	Среднедоходные слои		Высоко- доходные слои
		НСДГ	ВСДГ	
<i>В настоящее время работают (всего), в т.ч.:</i>	63	62	79	88
на постоянной основе (оформлены в штат по приказу или на основе бессрочного контракта)	45	49	62	70
по временному, письменно оформленному договору	9	8	11	13
на основании устной договоренности	9	5	6	5
<i>В настоящее время не работают (всего), в т.ч.:</i>	37	38	21	12
пенсионеры (в том числе по инвалидности)	23	24	10	5
студенты вузов и ссузов	4	8	8	5
безработные	10	6	3	2

⁸⁴ *Lehmann H., Zaiceva A. Redefining Informality and Measuring its Determinants: Evidence from the Russian Labour Market // International Development. 2015. Vol. 27. P. 464–488.*

⁸⁵ Категория россиян, находящихся в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребенком, исключена из анализа в связи с малым объемом подвыборки (менее 1%).

Что касается формальной занятости на временной основе, то в индустриально развитых странах Запада такая форма трудовых отношений по основному месту работы также может быть сопряжена с повышенными рисками для работника в производственной сфере⁸⁶. Однако в условиях современной России непостоянная занятость имеет более сложную природу и не обязательно связана с низким уровнем доходов⁸⁷. Видимо, это происходит в силу того, что временные контракты являются высокорискованной страховкой от безработицы определенных категорий работников. Данные таблицы 4.1 наглядно показывают, что занятость по основному месту работы, оформленная по временному письменному соглашению, ассоциируется с высокодоходными слоями. Так, доля работающих на основании временного контракта статистически выше среди россиян, доходы которых превышают две общероссийские медианы (13% против 9% в среднем по России).

В случае представителей высокодоходных слоев, их относительно более высокие зарплаты могут рассматриваться как премия за риски, сопутствующие непостоянной занятости, которые работодатель предпочитает оплачивать в силу квалификации работников. Однако это скорее все-таки исключение, чем правило, – в среднем по России занятость по временному контракту на 80% характерна для работников сферы торговли и бытового обслуживания и лиц, занятых физическим трудом, то есть тех категорий наемного труда, которые обладают заведомо меньшей квалификацией и переговорной силой в отношениях с работодателем.

Таким образом, нижняя и верхняя подгруппы среднедоходных слоев описываются во многом полярными ситуациями в сфере занятости. Несмотря на то что обе эти подгруппы относятся к «экономическому» среднему классу,

⁸⁶ Например, см.: *Forrier A., Sels L.* Temporary employment and employability: Training opportunities and efforts of temporary and permanent employees in Belgium // *Work, employment and society.* 2003. Vol. 17. No. 4. P. 641–666; *Giesecke J., Groß M.* Temporary employment: chance or risk? // *European Sociological Review.* 2003. Vol. 19. No. 2. P. 161–177.

⁸⁷ *Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.* Заработная плата в России: эволюция и дифференциация. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

они настолько разные, что применительно к проблеме их занятости их можно рассматривать как единую социальную группу только в исключительных случаях.

Аналогично обстоит ситуация с незанятостью, природа которой в нижней и верхней подгруппах среднедоходных слоев также носит разный характер. Так, относительная доля неработающих в составе нижней подгруппы среднедоходных слоев в 1,5 раза меньше, чем в верхней их подгруппе (38 и 21% соответственно), и в 2,7 раза меньше, чем среди высокодоходных слоев (12%). Портрет неработающих представителей нижней подгруппы среднедоходных слоев определяют люди, живущие на пенсии и пособия, а также экономически активные россияне, не имеющие работы. Доли неработающих пенсионеров и студентов в составе этой подгруппы среднедоходных слоев составляют 24 и 8% соответственно (то есть 63 и 21% от числа незанятых представителей нижней подгруппы среднедоходных слоев). В целом же практически половина представителей нижней подгруппы среднедоходных слоев, причем как работающих, так и неработающих, живет на трансферты (пенсии, пособия, алименты, помощь от государства и общественных организаций и т.д.). Если в среднем по России трансферты являются одним из основных источников дохода для 38% населения, то среди низкодоходных слоев, а также нижней подгруппы среднедоходных слоев доля таких граждан составляет 46 и 45% соответственно.

Разительно отличаются в нижней и верхней подгруппах среднедоходных слоев также доли экономически активных россиян, находящихся в ситуации безработицы. Из данных таблицы 4.1 видно, что безработица среди представителей верхней подгруппы среднедоходных слоев распространена в два раза реже, чем в нижней их подгруппе, где она находится на среднероссийском уровне (6%). Однако в целом безработица россиян экономически активных возрастов – явление, в массе своей сопряженное с доходами ниже 75% общероссийской медианы. Так, доля безработных среди низкодоходных слоев статистически выше, чем в среднем по стране, и составляет 10%,

что демонстрирует крайнюю степень неэффективности реализуемых в современной России мер социальной поддержки. Получается, что в случае потери работы человек фактически обречен на жизнь ниже прожиточного минимума. Увеличивается реальный риск массового выпадения российских граждан из состава среднедоходных слоев и при выходе на пенсию.

Таким образом, для подавляющего числа россиян работа, даже скромно оплачиваемая, является не просто основным источником дохода, но и гарантией сохранения социальной позиции в обществе, достигнутой классовой принадлежности и сопряженного с ней объема ресурсов и возможностей. В свете этого актуален вопрос о том, где работают представители среднедоходных групп? Рассматривая среднедоходные слои как экономическую основу среднего класса, логично предположить, что занятость среднедоходных слоев будет локализоваться в третичных и четвертичных секторах экономики. Однако результаты исследования показывают, что занятость среднедоходных слоев по секторам экономики соответствует среднероссийскому уровню и выраженной статистически значимой связи между работой в определенных секторах экономики и доходными группами нет. Исключение составляют россияне с доходами ниже 75% среднероссийской медианы, среди которых в два раза чаще, чем по стране в целом (10% против 5%), встречаются работники первичного сектора экономики, в основном – занятые в сельскохозяйственном производстве. Для среднедоходных слоев же, равно как и для высокодоходных, занятость в первичном секторе экономики является крайне нехарактерным явлением (на уровне 1–4%). Другими словами, среднедоходные слои равномерно распределены по всем секторам экономики (за исключением первичного сектора, в котором они практически не представлены), а секторальная принадлежность занятости не имеет значения с точки зрения вероятности попадания человека в «экономический» средний класс.

Не дает россиянам видимого преимущества в доходах и занятость на госпредприятиях. Тип собственности предпри-

ятия в кризисный 2015 г. не оказывал статистически значимого влияния на распределение россиян по доходным группам с тем исключением, что занятость на госпредприятиях при прочих равных обычно гарантировала им доход не ниже 0,75 общероссийской медианы, а работа в частных компаниях, наоборот, снижала эту гарантию. Так, четверть работающих представителей низкодоходных слоев были заняты в коммерческих структурах, в то время как среди верхней подгруппы среднедоходных слоев эта доля составляла всего 17% (средний по России уровень занятости на предприятиях этого типа в тот момент – около 20%). Таким образом, государство как работодатель чаще гарантирует стандарты дохода не ниже неких минимальных величин, сохраняя при этом широкий разброс зарплат, в то время как политика частных компаний состоит обычно в удержании зарплат на крайне низких уровнях при сохранении, однако, возможностей высоких заработков для некоторой части работников (хотя и не превышающих аналогичные возможности на предприятиях государственной формы собственности).

Из всех слоев российского общества россияне с низкими доходами оказываются в наименее защищенном положении и с точки зрения других аспектов их занятости. Так, около 27% работающих представителей этой группы, по их собственному признанию, испытывали в течение года проблемы, связанные с работой. По сравнению с ними, среднедоходные слои находятся в относительно более привилегированном положении. Так, распространенность проблем в сфере работы находится в среднедоходных слоях на среднероссийском уровне (25%). Другими словами, положение «экономического» среднего класса в сфере работы не характеризуется чем-то особенным – оно скорее «не хуже, чем у других». Видимо, сократившиеся в кризис частота и объем предоставляемых работодателем дополнительных социальных благ на рабочем месте воспринимаются среднедоходными слоями как меньшее из возможных зол на фоне реальных нарушений трудовых прав россиян, которые в кризис стали повсеместно распространяться, затронув даже бюджетные организации.

Если говорить о структуре занятости представителей среднедоходных слоев, то данные Института социологии РАН показывают, что их срединное положение обеспечивается главным образом спецификой занимаемых ими рабочих мест. Помимо рассмотренных выше параметров занятости, ключевым ее срезом, позволяющим получить комплексную картину специфики рабочих мест, является срез профессиональной структуры. Этот срез становится особенно актуален сегодня, когда секторальные и отраслевые различия уже не дают такой четкой, как еще 10 лет назад, картины по локализации среднедоходных слоев. Несмотря на то что социологи давно используют профессиональную структуру как основной срез социально-экономической жизни общества⁸⁸, отечественные экономисты только сейчас стали осознавать ее исключительную значимость⁸⁹.

Влияние профессиональной структуры на доходную стратификацию носит ярко выраженный характер. Анализ данных таблицы 4.2 показывает: а) работающие представители среднедоходных слоев занимают преимущественно рабочие места в сфере нефизического труда (62% в нижней и 68% в верхней подгруппах среднедоходных слоев); б) наблюдается существенная разница в характере и качестве рабочих мест, занимаемых нижней и верхней подгруппами среднедоходных слоев, а также в предполагаемом ими квалификационном уровне. Так, 47% работающих представителей верхней подгруппы среднедоходных слоев занимают

---

⁸⁸ В этой связи стоит отметить не только работы зарубежных авторов, но и отечественных социологов: О. Шкаратана, В. Мансурова, Г. Ястребова, А. Бесудного, В. Аникина и др.

⁸⁹ Мы прежде всего имеем в виду недавний аналитический доклад коллектива авторов под руководством Р. Капелюшников и В. Гимпельсона, опубликованный в виде брошюры «Профессии на российском рынке труда» (Отв. ред. Н.Т. Вишневецкая. – Изд. дом НИУ ВШЭ, 2017). Появление крупной русскоязычной работы под редакцией известных экономистов, в центр которой помещена именно профессиональная структура, а не отдельные профессиональные группы, можно расценивать как значительный шаг вперед по отношению к предыдущим исследовательским попыткам анализа социальной локализации экономических процессов (например, *Sabirianova K. The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia // Journal of Comparative Economics. 2002. Vol. 30. P. 191–217* и др.).

позиции менеджеров и профессионалов, в то время как доля этих категорий занятых среди нижней подгруппы среднедоходных слоев составляет всего треть.

Таблица 4.2

Профессиональная структура различных доходных групп и слоев, ИС РАН, 2015 г., % от работающих

Профессиональные статусы	Низко-доходные слои	Средне-доходные слои		Высоко-доходные слои
		НСДГ	ВСДГ	
<u>Руководители</u> всех уровней, <u>предприниматели</u> и <u>самозанятые</u>	5	7	12	15
<u>Специалисты</u> , работа которых предполагает использование высшего образования	15	26	35	39
<u>Специалисты</u> средней категории, <u>офисные служащие</u> и <u>администраторы</u>	17	15	11	13
<u>Прочие работники</u> <u>нефизического труда</u> , рядовые работники в сфере торговли и бытового обслуживания	17	13	10	10
<u>Рабочие</u>	46	38	32	23

Еще одна немаловажная особенность структуры занятости среднедоходных слоев состоит в том, что в них широко представлены рабочие и работники рутинного нефизического труда, что обычно нехарактерно для среднего класса⁹⁰. Так, лица, занятые физическим трудом, составляют 38% занятых представителей нижней и 32% верхней подгрупп

⁹⁰ Mills C. W. White Collar: The American Middle Classes. – Oxford: Oxford University Press, 2002.

среднедоходных слоев, а рядовые работники сферы торговли и бытового обслуживания – 13 и 10% соответственно.

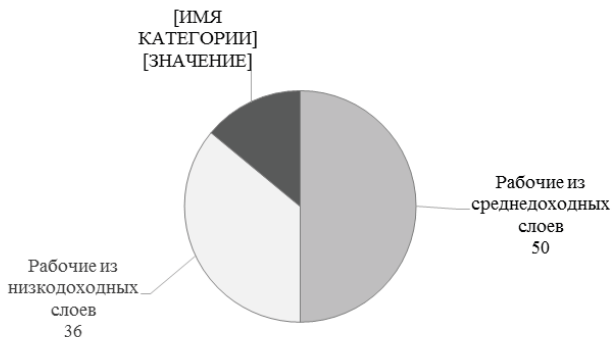
Рассмотрим, за счет чего же российские рабочие оказываются в составе среднедоходных слоев. Является ли «обуржуазивание»⁹¹ части российских рабочих следствием их более высокого образования и развитых навыков или их попадание в среднедоходные слои обусловлено иными причинами, не связанными с их знаниями и квалификацией? Для ответа на эти вопросы рассмотрим подробнее лиц физического труда, попадающих в состав среднедоходных слоев. Как видно из рисунка 4.1, в состав среднедоходных слоев попадает половина всех рабочих России (что составляет 18% от числа всех занятых по стране). Другая половина российских рабочих в подавляющем большинстве входит в состав низкодоходных слоев, и лишь незначительная их часть относится к высокодоходным слоям (5% работающих россиян). Важно отметить, что базовые формальные характеристики их образования у рабочих из состава среднедоходных и низкодоходных слоев находятся примерно на одном и том же уровне. Так, среднее специальное и/или незаконченное высшее образование имеют 68 и 61% этих рабочих соответственно; среднее общее – 24 и 28%; незаконченное среднее общее – 4 и 7%; высшее – 3 и 3% соответственно. Другими словами, попадание лиц, занятых физическим трудом, в среднедоходные слои обуславливается иными факторами, нежели формальные показатели их образовательного уровня.

В то же время различия в профессиональной квалификации рабочих, относящихся к разным доходным слоям, оказываются куда более значимыми. Из данных рисунка 4.2 видно, что доля рабочих с высокой квалификацией (с пятым разрядом и выше) в составе рабочих из среднедоходных слоев значительно больше, чем среди рабочих из низкодоходных слоев (45 и 36% соответственно). При этом среди

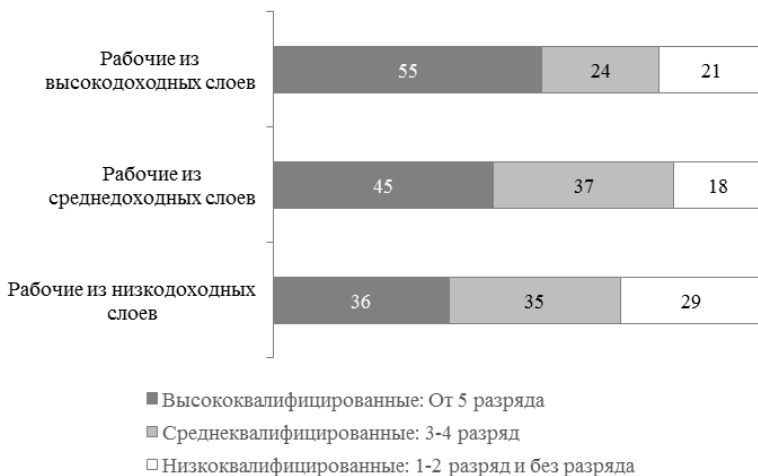
---

⁹¹ Впервые о феномене обуржуазивания рабочего в индустриально развитом обществе заговорили британские социологи Дж. Голдторп и Д. Локвуд: *Goldthorpe J., Lockwood D. The Affluent Worker: Political Attitudes and Behaviour.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1971.

лиц физического труда, которые попали в состав высокодоходных слоев, они составляют большинство (55%).

Рис. 4.1. Распределение по разным доходным слоям лиц, занятых физическим трудом, ИС РАН, 2015 г., %

Рис. 4.2. Уровень квалификации рабочих из разных доходных слоев, ИС РАН, 2015 г., %

Таким образом, попадание рабочих в среднедоходные слои связано не столько с формальными различиями в уровне их образования, сколько с различиями в квалифи-

кации – наиболее квалифицированные рабочие при прочих равных будут иметь наиболее высокие зарплаты. Так, медианные зарплаты у рабочих высокой квалификации (от 5 разряда и выше) в 2015 г. составляли 25 тыс. руб. в месяц, средней квалификации (3–4 разряд) – 20 тыс. руб., низкоквалифицированных рабочих (1–2 разряд и без разряда) – 15 тыс. руб. в месяц. Эти различия являются статистически значимыми, о чем говорят данные таблицы 4.3, демонстрирующие результаты попарного сравнения зарплат рабочих разной квалификации.

Таблица 4.3

Попарное сравнение распределения зарплат рабочих разной квалификации, ИС РАН, 2015 г.

Сравниваемые подвыборки рабочих	Статистика теста	Значимость
Низкоквалифицированные – высококвалифицированные*	94,499	0,000
Среднеквалифицированные – высококвалифицированные	14,615	0,000
Низкоквалифицированные – среднеквалифицированные	40,373	0,000

* Каждая строчка тестирует нулевую гипотезу о том, что распределения зарплат в указанных подвыборках не отличаются. Все тестируемые гипотезы отвергаются с вероятностью ошибки менее 0,01 процента.

Невзирая на то, что исследования последних лет в этой области доказывают, что труд квалифицированных рабочих оплачивается несправедливо низко⁹² (чему мы находим частичное подтверждение и в нашем исследовании), стоит все же отметить: высокая квалификация рабочих, очевидно, все-таки востребована реальным сектором, что отражается и на их зарплатах. Получается, именно квалификация, а не формальный уровень образования, выступает ключевой характеристикой их человеческого капитала, что является су-

⁹² Например, см. *Каравай А.В.* Человеческий капитал российских рабочих: состояние и факторы // Вестник Института социологии. 2016. № 17. С. 91–112.

ществленным дополнением к тем выводам, которые делаются рядом российских исследователей при оценке отдачи на человеческий капитал на основе формальных показателей образования, не учитывающих разницу в уровнях квалификации работников⁹³.

Полученный вывод позволяет по-иному взглянуть на проблему развития человеческого капитала рабочих в современной России. Если говорить о мерах, способствующих повышению оплаты труда и уровня благосостояния российских рабочих, то первым делом необходимо активнее развивать практические навыки рабочих, в том числе их компетенции в сфере ИКТ, которые имеют особое значение при становлении высокотехнологичной экономики. Стоит сказать, что эти навыки уже сейчас оплачиваются российским работодателем с повышенным коэффициентом, обеспечивая, тем самым, россиянам, интегрированным в ИКТ, более высокие шансы на попадание в верхнюю подгруппу среднедоходных слоев⁹⁴.

Так, относительная доля россиян, которые ежедневно используют навыки работы на компьютере, составляет 42% в верхней и 34% в нижней подгруппах среднедоходных слоев (в низкодоходных слоях, доходы которых не превышают 0,75 медианы, их доля составляет всего 25%). Однако пока дополнительные ренты за использование компьютера на работе главным образом применимы к лицам, занятым квалифицированным нефизическим трудом. Подавляющее большинство занятых физическим трудом (88%) либо не имеют навыков работы на компьютере, либо находятся на рабочих местах, которые не предполагают использования этих навыков даже в случае их наличия. Но и среди рабочих высокой квалификации доля людей, интегрированных в ИКТ по линии их работы, остается сравнительно

⁹³ Лукьянова А.А. Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2010. 14 (3).

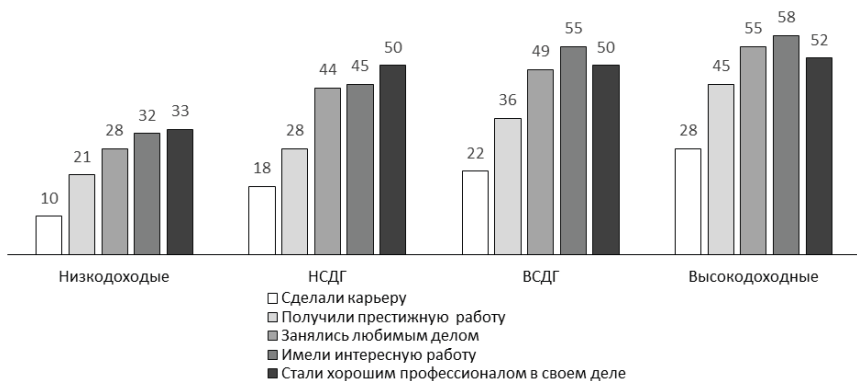
⁹⁴ Это вполне соответствует зарубежному опыту. См.: Peng G., Eunni R. V. Computer skills, non-routine tasks, and wage premium: A longitudinal study // The Journal of Strategic Information Systems. 2011. Vol. 20. No. 4. P. 449–460; DiNardo J. E., Pischke J.-S. The returns to computer use revisited: Have pencils changed the wage structure too? // The Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112. No. 1. P. 291–303.

небольшой – всего около 6% высококвалифицированных рабочих ежедневно используют навыки работы на компьютере в своей профессиональной деятельности. В общей же сложности среди лиц физического труда, входящих в состав среднедоходных слоев, доля рабочих, использующих персональный компьютер в работе, не превышает 12%. Все это говорит о низком качестве рабочих мест, которые занимают высококвалифицированные рабочие, что является серьезным институциональным барьером на пути к новой экономике. Успешная технологическая модернизация рабочих мест в реальном секторе позволит задействовать редко используемый или вовсе не используемый ИКТ-потенциал большинства высококвалифицированных рабочих, уже интегрированных в ИКТ-технологии, но не применяющих пока соответствующие навыки в своей работе.

Выше речь шла преимущественно о ситуации с занятостью у средних слоев в целом и отдельных входящих в них профессиональных подгрупп в частности. Рассмотрим теперь различия между нижней и верхней подгруппами среднедоходных слоев, сложившиеся в отношении их достижений в области работы. В силу того, что попадание в верхние среднедоходные слои с большей вероятностью гарантировано россиянам, занятым на управленческих позициях и в сфере интеллектуального труда, работа представителей верхней подгруппы среднедоходных слоев оказывается более интересной и уважаемой, чем в нижней их подгруппе. Например, в верхней подгруппе среднедоходных слоев доля россиян, которым, по их собственным оценкам, удалось получить престижную или интересную работу, составляла в 2015 г. 37 и 55% соответственно, в то время как в нижней подгруппе среднедоходных слоев аналогичные показатели были существенно меньше – 28 и 45% соответственно.

То же можно сказать и о карьерных достижениях россиян из верхней и нижней подгрупп среднедоходных слоев. Вместе с тем, данные рисунка 4.3 дают основания говорить о том, что разница в занимаемых представителями нижней и верхней подгрупп среднедоходных слоев рабочих позициях хотя и является существенной, все же не настолько фаталь-

на, чтобы всерьез сказаться на восприятии ими своих жизненных шансов в производственной сфере. Россияне, входящие в состав среднедоходных слоев, по их собственному признанию, не только не ограничены в профессиональном росте, но и, более того, считают себя хорошими профессионалами в своем деле. Это значит, что более позитивное восприятие своего профессионализма и достоинств своего рабочего места является отличительной особенностью россиян со средними доходами от других социальных слоев, прежде всего – низкодоходных.

Рис. 4.3. Уже реализованные достижения в области работы (самооценка), ИС РАН, 2015 г., % от работающих

Что можно сказать об оценках ситуации у себя на работе занятыми представителями среднедоходных слоев? Доля работающих их представителей, оценивающих ситуацию у себя на работе как хорошую, как минимум втрое превышает долю тех, кто дает ей плохие оценки. Так, хорошие оценки этой ситуации давали в октябре 2015 г. 34 и 37% представителей нижней и верхней подгрупп среднедоходных слоев соответственно. Плохие же ее оценки встречались лишь у 11 и 7% соответственно. Другими словами, несмотря на то что рабочие места представителей нижней и верхней подгрупп среднедоходных слоев существенно различаются в пользу верхней

подгруппы, представители обеих подгрупп достаточно солидарны в оценке ситуации у себя на работе. Это обеспечивается при различиях в занимаемых ими рабочих местах за счет того, что нижняя и верхняя подгруппы среднедоходных слоев придают значение разным параметрам работы и рабочего места. И это касается не только реального опыта повышения уровня своего профессионализма, который в этих подгруппах разный. Если нижняя подгруппа среднедоходных слоев в силу специфики занимаемых ее представителями позиций больше ценит хорошие отношения на рабочем месте и уровень оплаты труда, то для верхней подгруппы среднедоходных слоев важными оказываются востребованность их человеческого капитала, содержательное наполнение их труда и возможности профессиональной самореализации при адекватной оплате их усилий⁹⁵.

Это соответствует эмпирическим верификациям теории человеческого капитала⁹⁶, с развитием которой низкие доходы стали объясняться не только через «плохие» рабочие места, но и через скудный человеческий капитал⁹⁷. Связано ли попадание в среднедоходные слои, особенно в их верхнюю подгруппу, с развитым человеческим капиталом их представителей? Согласно классическим социологическим исследованиям, средний класс отличает от других социальных групп то, что знания и навыки его представителей востребованы рынком, вследствие чего они получают доходы на свой человеческий капитал⁹⁸, что и определяет специфику этой группы.

Уровень накопления человеческого капитала представителей нижней подгруппы среднедоходных слоев характеризуется средними для России показателями. Так, доля

---

⁹⁵ См. также: *Anikin V.A. Motivation to work in Russia: the case of protracted transition from non-competitive to competitive system // The Journal of Comparative Economic Studies. 2013. Vol. 8. P. 35–60.*

⁹⁶ Согласно его классической трактовке, под человеческим капиталом мы имеем в виду накопленные индивидами знания и навыки (в том числе некогнитивные), которые в конкурентной социальной системе, устроенной на меритократических принципах, могут приводить к более высоким зарплатам.

⁹⁷ *Becker G. S. Nobel lecture: The economic way of looking at behavior // Journal of Political Economy. 1993. Vol. 101 (3). P. 385–409.*

⁹⁸ Для сравнения, главным источником доходов рабочего класса является его способность к труду, а высшего класса – экономический капитал.

работающих с высшим образованием не превышает среди представителей нижней подгруппы среднедоходных слоев 35% (в то время как доля их представителей со средним специальным и незаконченным высшим образованием составляет 50%). В то же время доли работающих россиян с высшим и средним специальным образованием среди верхней подгруппы среднедоходных слоев составляют 45 и 43% соответственно. Таким образом, если для нижней подгруппы этих слоев наиболее типичным образовательным уровнем выступает среднее специальное и незаконченное высшее образование, то для его верхней подгруппы – это законченное высшее образование, представленное почти наполовину в этой группе выпускниками с высшим техническим и естественно-научным образованием. Попадание выпускников технических вузов в верхние среднедоходные слои свидетельствует в пользу большей востребованности этого типа образования в современной России и готовности экономики платить за это образование.

Несмотря на то что образовательные профили, характерные для среднедоходных слоев, различны для нижней и верхней их подгрупп, обе эти группы активно инвестируют в свой человеческий капитал, и это очень важно при оценке перспектив занятости представителей среднедоходных слоев. Так, реальные практики накопления и обновления человеческого капитала у работающих представителей среднедоходных слоев распространены заметно шире, чем у низкодоходных групп, и близки к высокодоходным слоям. Так, с 2013 по 2015 г. смогли повысить уровень своего образования и/или квалификации 17% нижней и 15% верхней подгрупп среднедоходных слоев. Для сравнения, за тот же период только 11% представителей низкодоходных слоев осуществляли инвестиции в свой человеческий капитал, в то время как среди высокодоходных слоев доля таких людей была почти в два раза выше и составляла 19%.

Тем не менее, перспективы накопления человеческого капитала в кризисный 2015 г. в двух подгруппах среднедоходных слоев все же различались. Так, в 2015 г. свои возможности получения необходимого образования и знаний как хо-

рошие оценивали треть представителей верхней и 27% нижней подгрупп среднедоходных слоев. То же можно сказать о возможностях в сфере профессионализации. Несмотря на то что около половины работающих представителей среднедоходных слоев считали себя сложившимися профессионалами, субъективная оценка дальнейших перспектив профессионализации в нижней и верхней подгруппах среднедоходных слоев расходилась кардинально. Представители верхней подгруппы среднедоходных слоев, по их собственному признанию, обладают более широкими возможностями реализации себя в профессии (40%), чем их нижняя подгруппа (31%).

В то же время, хотя перспективы накопления человеческого капитала в нижней и верхней подгруппах среднедоходных слоев заметно различаются, показатели профессиональной мобильности в них очень схожи и фактически воспроизводят общероссийский уровень. Так, доля работающих их представителей, которым удалось получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу, составляла в 2015 г. 15 и 16% в нижней и верхней подгруппах среднедоходных слоев соответственно. Для сравнения, среди низкодоходных слоев российского общества эта доля составляла 10%, а высокодоходных – 26%. Эти данные подтверждают результаты последних исследований, согласно которым интенсивность восходящей профессиональной мобильности сильно ограничена для большинства работающих россиян⁹⁹. Исключение составляют случаи перехода профессионалов в состав менеджеров, которые сопряжены с повышением статуса и дохода, что находит свое отражение в соответствующей статистике по высокодоходным слоям.

На оценку перспектив занятости и мобильности представителей среднедоходных слоев оказывают влияние кризисные явления в экономике. Как и большинство российского

---

⁹⁹ *Ястребов Г.А.* Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Часть I // Мир России: Социология, этнология. 2016. Т. 24. № 1. С. 7–36; *Ястребов Г.А.* Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Часть II // Мир России: Социология, этнология. 2016. Т. 24. № 2. С. 6–36.

населения, работающие представители среднедоходных слоев в массе своей в 2015 г. считали, что за первый год экономического кризиса ситуация с безработицей и возможностями зарабатывать у них ухудшилась. Риски безработицы не характерны разве что только для высокодоходных слоев. Это является отражением того, что обеспеченные россияне обладают большими возможностями, чем другие социальные группы.

Таблица 4.4

Ресурс влияния у различных доходных групп и слоев,
ИС РАН, 2015 г., % от работающих

Влияние на работе	Низкодоходные слои	Средне- доходные слои		Высокодоходные слои
		НСДГ	ВСДГ	
Способны повлиять на принятие решений в масштабах всего предприятия	8	8	7	14
Способны повлиять на принятие решений в масштабах своего подразделения	24	34	42	46
От их мнения на работе практически ничего не зависит	68	58	51	40

Ресурс влияния на работе также различается в разных доходных слоях довольно заметно. Так, из данных таблицы 4.4 видно, что верхняя подгруппа среднедоходных слоев обладает у себя на работе куда большим объемом влияния на принятие решений, чем нижняя их подгруппа. Однако и у них этот ресурс ограничен обычно масштабами их подразделения (наличие ресурса влияния на принятие решений в рамках всего предприятия в большей степени характерно для высокодоходных слоев). По мере роста сложности выполняемой работы и умножения управленческих функций увеличивается не только влияние на рабочем месте, но и степень автономности труда. Результаты дисперсионного

анализа показывают, что среднее число аспектов работы, по которым работник самостоятельно принимает решение, статистически значимо выше у представителей верхней среднедоходной группы, а также высокодоходных слоев.

В заключение стоит сказать, что ситуация на работе в нижней подгруппе среднедоходных слоев соответствует общероссийскому уровню. Это не удивительно, учитывая их медианное положение. В то же время в верхней подгруппе среднедоходных слоев эта ситуация в большинстве случаев выглядит лучше общероссийского уровня (табл. 4.5) и по всем ключевым аспектам близка к показателям высокодоходных слоев.

Таким образом, несмотря на сходство положения нижней и верхней подгрупп среднедоходных слоев в части занятости в разных секторах экономики, восходящей мобильности, инвестиций в человеческий капитал и т.д., мы пока не можем утверждать, что их представители находятся в едином пространстве жизненных шансов в производственной сфере. Это ставит вопрос о единстве среднедоходных слоев и свидетельствует о необходимости проверки применительно к ним концепции так называемого социологического среднего класса, выделяемого в рамках неовебериянской традиции на основе сразу нескольких критериев, описанных в главе 2 данной книги. По совокупности признаков, характеризующих их занятость, экономическую основу среднего класса в его социологической трактовке в массе своей составляют россияне, доходы которых начинаются от 1,25 медианы, то есть верхняя подгруппа среднедоходных слоев и высокодоходные россияне. Фактически зона «пересечения» «социологического» и «экономического» среднего класса – это верхняя подгруппа среднедоходных слоев, для которой в большей степени характерна занятость на рабочих позициях руководителей и профессионалов (табл. 4.6).

Подведем итоги.

Понимание перспектив развития российского среднего класса зависит от того, как его трактовать. Выделение среднего класса на основании даже одного критерия (дохода) позволяет получить среднедоходные слои, которые тоже

обладают рядом классовых признаков, что позволяет говорить о них как о базе для формирования среднего класса в социологическом его смысле.

Таблица 4.5

Карта сходств и различий между нижней и верхней подгруппами среднедоходных слоев в сфере занятости, по состоянию на 2015 г.¹⁰⁰

Характеристики	НСДГ	ВСДГ
<i>Общие характеристики занятости</i>		
Наличие постоянной работы	ОРУ	+
Безработица	ОРУ	–
Занятость на позициях менеджеров и профессионалов	ОРУ	+
Занятость на позициях физического труда	ОРУ	ОРУ
Занятость в третичном и четвертичном секторах экономики	ОРУ	ОРУ
<i>Субъективные оценки своей ситуации на работе</i>		
Ситуация на работе хорошая	ОРУ	+
Имеют ресурс влияния на принятие решений в рамках подразделения	ОРУ	+
<i>Характеристики человеческого капитала</i>		
Высшее образование и выше	ОРУ	+
Опыт инвестиций в человеческий капитал	ОРУ	ОРУ
Ежедневное использование навыков работы на компьютере	ОРУ	+
<i>Характеристики жизненных шансов в сфере занятости</i>		
Возможности стать хорошим профессионалом в своем деле	+	+
Хорошие возможности реализовать себя в профессии (субъективная оценка)	ОРУ	+
Кризис ухудшил ситуацию с безработицей и возможностями зарабатывать	ОРУ	ОРУ

¹⁰⁰ «ОРУ» – общероссийский уровень, с корректировкой на работающих россиян (где необходимо). «+» – статистически выраженная связь данного показателя с подгруппой. «–» – рассматриваемый признак практически не представлен среди представителей данной подгруппы среднедоходных слоев. Светлым фоном выделены позиции, по которым верхняя среднедоходная группа значительно превосходит общероссийский уровень, темным – показатели в которых в ней значительно ниже, чем в среднем по России.

Доступ к качественному образованию	ОРУ	+
Перспективы профессионализации (субъективная оценка)	ОРУ	+
Восходящая профессиональная мобильность	ОРУ	ОРУ

Таблица 4.6

**Профессиональный состав «экономического»
и «социологического» средних классов,
ИС РАН, 2015 г., % от работающих**

Профессиональные статусы	«Экономический» средний класс (среднедоходные слои)			«Социологический» средний класс
	НСДГ	ВСДГ	Срене- доходные слои в целом	
<u>Руководители</u> всех уровней, <u>предприниматели</u> и <u>самозанятые</u>	7	12	9	16
<u>Специалисты</u> , работа которых предполагает использование высшего образования	26	35	30	49
<u>Специалисты</u> <u>средней категории</u> , офисные служащие и администраторы	15	11	13	20
<u>Прочие работники</u> <u>нефизического труда</u> , рядовые работники в сфере торговли и бытового обслуживания	13	10	12	15
<u>Рабочие</u>	38	32	35	0

Тем не менее рассмотренные характеристики занятости и работы среднедоходных слоев в современной России позволяют сделать вывод о том, что они очень неоднородны по своему составу. Нижняя их подгруппа репрезентирует

среднюю ситуацию по России. Поскольку же общая ситуация по России характеризуется массовой занятостью на рабочих местах, где не требуется высокая квалификация и сложный труд, то и нижняя подгруппа среднедоходных слоев наследует те же черты со всеми вытекающими отсюда последствиями. Верхняя подгруппа среднедоходных слоев репрезентирует рабочую силу с меньшими рисками безработицы и более развитым человеческим капиталом. Как следствие, занимаемые ее представителями рабочие места сопряжены с большим объемом влияния на работе и лучшими карьерными перспективами.

Различия в человеческом капитале (образовании и уровне квалификации) выходят при характеристике гетерогенности двух подгрупп среднедоходных слоев на первое место, оказываясь более существенными их чертами, чем, например, то, в каком секторе экономики работает человек. Посткризисная негативная стабилизация может привести к дальнейшей внутренней поляризации среднедоходных слоев в производственной сфере.

Таким образом, российский средний класс в экономической его трактовке – это сложный гетерогенный феномен, в котором как бы «встречаются» две разные эпохи экономического развития, с разными требованиями к рабочей силе и с разными квалификационными стандартами. При дальнейшем ухудшении ситуации с занятостью и работой, нижняя подгруппа среднедоходных слоев подвергается опасности оказаться в зоне высоких рисков, что может привести к пролетаризации значительной части российского общества и отбросить Россию на много лет назад. Поэтому государство, являясь стержнем ключевых социально-экономических изменений в российском обществе, должно сегодня создавать условия для сокращения разрыва между входящими в состав среднедоходных слоев подгруппами, в частности модернизируя рабочие места и развивая компетенции работников в сфере ИКТ, – ведь в условиях стоящих перед Россией вызовов именно на средний класс будет возложена задача стать основным субъектом социально-экономического развития.